

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.5>

Ершов Михаил Федорович

ГОРОДСКИЕ СОЦИУМЫ ЗАУРАЛЬЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ XIX - НАЧАЛА XX В.

Предметом исследования являются особенности социокультурных связей провинциального мира. Цель исследования - анализ провинциальной жизни Зауралья XIX - начала XX в. В это время модернизация провинции разрушала патриархальные ценности и одновременно их использовала, что вело к замене прежних акторов и появлению новых посредников и каналов распространения культуры: образованное общество, публицистика, коллекционирование. Важнейшим компонентом здесь было официальное образование. Делается вывод, что при модернизации провинции происходило ухудшение социально-психологического климата, нарастание дискомфорта и углубление кризиса коллективистских начал.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/4/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(90) С. 26-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930; 39

Дата поступления рукописи: 26.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.5>

Предметом исследования являются особенности социокультурных связей провинциального мира. Цель исследования – анализ провинциальной жизни Зауралья XIX – начала XX в. В это время модернизация провинции разрушала патриархальные ценности и одновременно их использовала, что вело к замене прежних акторов и появлению новых посредников и каналов распространения культуры: образованное общество, публицистика, коллекционирование. Важнейшим компонентом здесь было официальное образование. Делается вывод, что при модернизации провинции происходило ухудшение социально-психологического климата, нарастание дискомфорта и углубление кризиса коллективистских начал.

Ключевые слова и фразы: актер; восприятие; Зауралье; коммуникация; культура; патриархальная среда; поколение; провинция; социально-психологический климат; учитель.

Ершов Михаил Федорович, к.и.н., доцент

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск
mfershov@mail.ru*

ГОРОДСКИЕ СОЦИУМЫ ЗАУРАЛЬЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ XIX – НАЧАЛА XX В.

Глубинные причины эволюции российской провинции и особенности психологии прошлого невозможно понять без учета социальных настроений. Насколько психологически комфортно жилось провинциалам? Какие межличностные отношения у них господствовали? Что отличало социокультурные контакты? Какая из сторон испытывала воздействия в большей мере? Частичные ответы дает изучение социально-психологического климата. В психологических науках под ним понимается «преобладающей и относительно устойчивый психический настрой коллектива, проявляющийся как в отношениях людей друг к другу, так и в их отношении к общему делу» [16, с. 508]. Социально-психологический климат также обнаруживает себя в отношении человека к миру в целом и к себе лично. Относительная стабильность на провинциальном уровне обеспечивалась рядом базисных элементов: социально-психологического климата, сословного деления общества, монополии избранной части населения на отвлеченные от обыденности (сакральные) знания, коммуникативные практики и патриархальное господство старшего поколения.

Цель данной публикации – анализ провинциальной жизни Зауралья с привлечением материалов о сопредельных территориях XIX – начала XX в. Объектом изучения стали городские социумы Зауралья. Предмет изучения – особенности социокультурных связей провинциального мира. При написании статьи использованы методы исторической психологии и теории межкультурной коммуникации. Настоящая статья является продолжением предыдущих работ [8; 9]. Долгое время в провинции господствовали патриархальные нормы. Такой локальный мир отличался статичностью и тяготел к закрытости от внешнего окружения. Его изменения были однократные. Возникший прецедент не должен был нарушать «тишину и покой». Взамен нарушенной гармонии он создавал иную, хотя и близкую к ранее утраченной. Для понимания взаимоотношений «пришелец – местное население» необходимо знание специфики очеловеченного пространства. По мнению М. Элиаде, человек в традиционной культуре воспринимал место жительства как Центр мироздания, рукотворное подобие Космоса. Напротив, появление чужака было сродни проникновению Хаоса, прямой или скрытой угрозе [21, с. 36-38].

Чужак был потенциально опасен. Он мог привести в локальный социум новации, разрушительные для существования последнего. В этом обществе существовали культурная (мировоззренческая общность и коммуникативная близость) и экономическая (общественное пользование городскими и сельскими имуществами) основы для относительного равенства. Наличие гомогенных социальных структур на местном уровне предполагало усредненное существование без значимых имущественных или культурных различий. Те, кто выбивался из этого ряда (преступники, слишком бедные или, напротив, богатые), покидали местное общество.

В дополнение к внутрикультурной существовала и межкультурная коммуникация. Это связи и общение между представителями различных культур. Общество без межкультурной коммуникации существовать не способно. И даже самодостаточной патриархальной культуре посредники были необходимы. Их содействие внешним контактам помогало социуму определиться со своим существованием в мире. По меткому замечанию классика, в каждом обществе имеются страты, которые и создают для него «интерпретацию мира» [10, с. 14].

Общеизвестно, что культура провинции имела (и имеет) свою специфику. Она является составной частью более крупного образования, так называемой третьей культуры [19, с. 8]. Первоначально, информация, привнесенная сюда извне, из большого мира, была соединена с тайной. Предполагалось, что её носители обладали знаниями, недоступными для непосвященных. К числу обладателей тайны относились священник (или знахарь), дворянин, паломник. Они владели знаниями из разных культур. И фактически им принадлежала монополия на знания о внешнем мире. В былые времена они обладали героическими, палаческими и жреческими свойствами. От них исходила неведомая сила и скрытая опасность. Затем их возможности деградировали. Во многом хранители тайн перестали выполнять прежние функции. В их арсенале, конечно, еще оставались некие угрозы, но действие угроз нейтрализовалось обычными жертвоприношениями. Это было связано

с товарно-денежными отношениями, обмирщением сознания и укреплением бюрократических институтов. Развитие национального рынка уменьшило зависимость провинции от посредников с большим миром.

Потребовались новые носители востребованной информации, например, отставные военные чины или солдаты инвалидных команд. Ограничимся рядом примеров по г. Шадринску. В 1839 г. здесь проживали те, кто некогда служил в Семеновском, Фанаторийском, лейб-гвардии Егерском, Шлиссельбургском, Томском полках, в Гвардейском морском экипаже, артиллерийских и других частях [7, д. 18, л. 155-163]. Этим ветеранам было что вспомнить... Их нелегкая жизнь оказалась навсегда освящена теми знаменами, что реяли на полях сражений. Среди обязанностей, которые исполняли инвалиды, была охрана местного уездного училища. Старый солдат Авксентьев, числившийся здесь сторожем до 1834 г., участвовал в военных кампаниях 1813-1815 гг., побывал в Польше, дошел до Парижа и «обратно в свои границы вернулся» [17, с. 93-96].

Со временем и к ним добавились чиновники, коробейники и асоциальные элементы. Рядом с привычным священником, близким к своему приходу, появились хваткие, легкие на подъем, бродячие мелочные торговцы. Звали их по-разному: коробейники, владимирцы, вязниковцы, ходебщики. Не будучи религиозными служителями, они, тем ни менее, несли знания о культе, о заповедном мире, ведь изначально их товаром были иконы. Затем к иконам добавились лубочные картинки и книги, которые лучше продавались под завлекательные рассказы о неведомых местностях. Множество бродячих посредников из большого мира обслуживали нашу провинциальную глубинку, в том числе и Зауралье [5, д. 44; 7, д. 108, л. 262].

Современники дружно свидетельствовали о господстве меркантильных интересов среди новых культурных посредников. В большинстве случаев их деятельность ориентировалась на удовлетворение потребительских вкусов. «Серьезных книг не любили и на людей, любивших читать, смотрели враждебно, называли их “умниками” и “вольнодумцами”, и они были на плохом счету у начальства и общества», – так описывает В. Верхоланцев быт дореформенной Перми [3, с. 148].

Однако постепенно коммуникативные функции начали переходить от патриархальных представителей к иным социальным институтам и акторам. На новом этапе социокультурной эволюции материальную выгоду дополнили общественная польза, познавательный и научный интересы, тяготение к впечатлениям. Так, массовый туризм в индустриальном обществе, не преследуя возвышенных целей, направлен на удовлетворение сиюминутных запросов.

Таблица 1. *Изменение акторов межкультурной коммуникации*

Состояние провинции	Стабильное состояние	Разлом стабильности	Динамичное состояние
Актеры межкультурной коммуникации	Священник	Коробейник	Работник сферы образования
	Дворянин	Чиновник	Общественный деятель
	Паломник	Асоциальный нищий	Турист

Из таблицы следует, что прежние акторы, действующие в сфере межкультурной коммуникации, после утраты доминирующих позиций не исчезали окончательно. Происходило другое – их деградация, функциональная непригодность и смещение на периферию культуры. Для обычного человека это оборачивалась утратой авторитетов и ценностных ориентиров.

Полное усвоение официальных знаний угрожало стабильности городского социума. Старательное, но неизбежно поверхностное восприятие далёкой столичной культуры могло порождать у незрелой социализирующейся личности чувство неудовлетворения, жажду знаний, потребность уехать, иногда – превосходство над окружающими и их практической деятельностью. На уровне обыденного сознания такое поведение индивида осуждалось. Это не было случайностью. По мнению А. С. Ахизера, донанучная культура пыталась не допустить проникновения человека в бесконечные пласты реальности, скрывать уже полученное знание в узкой субкультуре жрецов. Знание, превышающее некоторый допустимый в соответствующей культуре предел, несло дискомфорт [1, с. 21]. Когда в январе 1828 г. в Шадринском уездном училище случился пожар и виновные не были обнаружены, было решено «предать случай сей воли Божьей» [11, д. 2891, л. 4].

Предшественником и даже альтернативой официальному образованию всегда было домашнее и полудомашнее обучение. Оно было распространено и в Зауралье [16, с. 34-35]. Уменьшались опасения родителей, что дети заучатся, перестанут почитать старших. В приватной сфере выросла роль образованных, но небогатых наперсниц, приживалок, позднее – домашних учителей и репетиторов, еще позднее – не признанных официально полуправильных наёмных учителей. Власти относились к ним с подозрением. Эти грамотные люди, без профессионального образования, зарабатывающие обучением, присутствовали в России вплоть до рубежа XIX-XX вв.

«Подобные учителя обыкновенно зимой учат крестьянских детей грамоте, а летом или пасут скотину, или путешествуют “с котелком”. Попадают среди странствующих учителей и политические ссыльные», – замечал один из священников Тобольской губернии [15, с. 25]. О деятельности бродячих или полудомашних учителей сохранилось немалое количество свидетельств и упреков от властей. Так, в ежегодном «Обзоре» по Тобольской губернии за 1890 г. сообщалось, что жители отдаленных деревень «в силу необходимости нередко довольствуются малограмотными поселенцами, которых большею частью по нравственным их качествам не желательно было видеть в качестве учителей» [14].

При дефиците учителей большое значение имело самообразование. Недостатки школьного обучения восполнялась литературными изданиями. Только в Обдорске с его многонациональным населением – 378 русских,

290 зырян, 95 остяков, 103 самоедов, по одному поляку, еврею и татарину [2, с. 117] – в 1894 г. выписывалось 38 наименований изданий [Там же, с. 125-126]. В провинции возрос интерес к газетам и журналам, организовывались любительские театральные постановки, начали вестись дневники, создаваться мемуары. Возникла мода на публикации. При этом передача информации нередко была двусторонней. Издавая материалы о провинции, автор, тем самым, включал своё социальное окружение в систему межкультурных коммуникаций Большой России.

Нечто подобное происходило при собирании коллекций и создании музеев. Музейные предметы в прагматичном употреблении были характерны для иного времени и иного мира. Именно там они обладали потребительскими свойствами. Краеведы, коллекционеры, выставки, музеи свидетельствовали о переходе на местах к линейному времени, об утрате стабильности и запросах на принципиально новую информацию. Её требовалось всё более, и активный индивид был ориентирован на поиски нового. Вокруг носителей официальной культуры выросло подражающее им окружение. Таким образом местная образованная публика переносила столичные нормы в провинцию.

Росло количество акторов, действовавших в сфере межкультурной коммуникации: чиновников и образованных специалистов. Происходило постепенное смещение прежних посредников на периферию культуры. Провинциальный мир от стабильности перешёл к динамичным изменениям. По мнению исследователей, к концу XIX в. происходило изменение каналов распространения культуры – они стали общественными [12, с. 247]. Множество лиц были «заброшены» в крутой водоворот социальных изменений помимо их воли, что породило чувство психического дискомфорта.

Так, в конце XIX в. в конфликте с населением Березова оказался приехавший молодой священник Иоанн Голошубин. Жители города во главе с церковным старостой неоднократно жаловались церковным властям, что «почти каждую литургию пастырь поддерживает своих прихожан поучениями, но поучения его, как мы понимаем, в большинстве обличают личности и укоризны, чрез это некоторые прихожане совершенно прекращают посещать этот храм». Его психологическое неприятие дополняли и экономические причины: при тратах церковных сумм новоприбывший батюшка мало считался с мнением своей паствы. Как сообщали прихожане, ироничный священник «не желает совершенно расположить к себе прихожан православных, напротив, отталкивает их своею гордостью, а сблизился более с польским элементом и с такими лицами, которые доставляют ему удовольствие играть с ним в карты» [18, с. 184-191]. В итоге образованный священник, занимавшийся краеведением и преподаванием, не смог найти общего языка с жителями Березова. Субъективно своим поведением, отличным от местных социальных норм, он создавал для населения города психический дискомфорт. Священник, несомненно, стремился к новому. Но, пытаясь выйти из плена стереотипов, стать просветителем, он подрывал основы добрососедского существования.

Рядовой житель экономически, культурно и психологически был связан с провинциальным социумом. Если по каким-либо причинам он и переселялся куда-либо, то и на новом месте жительства почти ничего не менялось. Материальные успехи отдельных лиц также не вели к отказу от межличностных контактов в поселении. Напротив, разбогатевший человек мог больше жертвовать на нужды родного города или селения, становясь его благодетелем. Таковыми были купцы Походяшины и Поповы в Верхотурье, Нижегородцевы в Березове, Туполевы в Сургуте, Фетисовы и Черепановы в Шадринске.

Уйдя из обыденности, педагоги, по патриархальным представлениям, должны были частично расстаться и с прежним социумом. Обладание абстрактными знаниями делало их в лучшем случае посредниками, в худшем – изгоями, полезными или вредными чужаками. В условиях генезиса и последующего становления образовательной сферы, учитель в провинции пребывал в роли культурного маргинала. Будучи субъектом образовательного процесса, он оказывался «заброшен» в ту патриархальную среду, которую ему, учителю, и предстояло переделывать. В культурном плане такие одиночки были вынуждены противостоять сплоченным коллективам и доказывать им свою нужность и полезность.

В отчете Тобольского губернатора за 1881 г. зафиксированы кадровые педагогические проблемы: «Что касается до учебной части, то остается желать, чтобы было более учителей и учительниц со специальной педагогической подготовкой. Большая же часть контингента учащихся состоит из лиц, получивших среднее и низшее образование, – следовательно, только в училище и на учениках они начинают вырабатывать приемы и методы преподавания. По сему было бы желательно иметь, по примеру других губерний, особое специальное педагогическое училище, которое могло бы готовить дельных преподавателей. С другой стороны, казалось бы, более целесообразным устроить такое заведение не в городе, а в одном из больших и центральных сел губернии, так как опыт показывает, что лица, получившие образование в учительской семинарии в городе Омске, тяготеют жизнью в деревне и при первой же возможности, как замечено, стремятся перейти в то или другое городское училище» [13].

В дореволюционной России отдаленные территории были местами политической и уголовной ссылки. По сравнению со ссыльными-одиночками (участники дворцовых переворотов, декабристы) их преемники оценивали свое пребывание в провинциальной глуши негативно. Ранее между ссыльными дворянами и остальными жителями существовала социальная дистанция. В новых обстоятельствах и с другим ссыльным контингентом она ощутимо сократилась. По ряду позиций наблюдалась близость культурного багажа у педагогов и ссыльных. Характерное для большинства ссыльных негативное восприятие мест их вынужденного проживания импонировало педагогам, но дополнительно усиливало изоляционистские настроения. Несмотря на запреты, контакты между просвещенными чужаками всё же существовали. При нахождении в небольших поселениях ссыльных изолировать их от учителей было невозможно [4, д. 91].

Реальные мероприятия по улучшению фактического и юридического статуса педагогов запаздывали. Учителю и учащимся навязывалось «сверху», а они заимствовали множество схоластических требований, чиновничьих и даже аристократических норм, мало действенных в новой капиталистической России в целом и в провинции в частности. Данная ориентация на изоляцию, равно как и демонстративный отказ от принципов правового и культурного равенства, консервировали образование, воспроизводили сословные ценности, раскалывали локальные социумы и порождали чувство дискомфорта у прибывшего и коренного населения.

Процессы аккультурации учительства (восприятия им местной культуры) протекали по-разному. Обычно выделяют следующие варианты аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию. Из них в массовых масштабах не могла быть реализована ассимиляция (принятие норм и ценностей местной культуры) как полный провал модернизационных усилий государства и общества.

Доминирующим вариантом первоначально была сепарация. Ей присуще отрицание чужой культуры (применительно к учителю культуры большинства населения) при сохранении идентификации со своей культурой. В последующем с ростом контингента учителей и демократизации школы расширялось количество вариантов аккультурации. Сепарация замещалась маргинализацией (потеря идентичности с прежним окружением при отсутствии идентификации с окружающей культурой). Интеграция в качестве оптимального варианта так и не стала полностью господствующим явлением.

При этом по-прежнему считалось, что образование, по своей сути, требовало культурной изоляции и самоотчуждения от мира обыденности и его обитателей. В обществе господствовали установки на внеобыденное, «служебное» существование педагогических работников. В школьном деле и вокруг него постоянно происходили подмены положительных решений профессиональных проблем их зрелищными замещениями. Завышенные требования (большой объем информации с механическим запоминанием, материальные и множество иных трудностей) подчеркивали избирательность образования и его высокое предназначение. Чтобы преодолеть препятствия, и учащему, и учащемуся необходимо было обладать трудолюбием и неординарными способностями.

Фактически здесь действовал библейский принцип «много званых, но мало избранных». Для людей из низов (крестьян и мещан) получаемые ими минимальные знания практически не давали возможности покинуть своё сословие. Ориентация на отвлеченное, «сухое» преподавание не была следствием только ошибок нерадивых и неквалифицированных учителей, ранее обделенных положительным опытом преподавания и лишенных действенных форм контроля. Напротив, это был закономерный этап становления массовой школы в провинциальной России. Отечественная школа во многом выросла из толщи патриархальной культуры. Заимствование столичных новаций и ценностей европейского рационализма было избирательным и не полным.

Тем ни менее, в воспоминаниях современников, в том числе и о Зауралье, сохранилось немало свидетельств о высоких достоинствах и добросовестном труде отдельных учителей и целых педагогических коллективов. Учителя в царской России не смогли полностью преодолеть культурную изоляцию. Их трагедия заключалась в том, что они остались в большинстве своём чужаками в провинции, не сумев превратиться в органичную часть локальных социумов. Учительство, действительно, приносило грамотность и «взламывало» инертность глубинки. Однако его положительные усилия не предотвратили грядущих катастрофических потрясений.

В пореформенной России в среде провинциалов всё более усиливались различия при восприятии окружающих реалий. Прежний мир изменился: открылись широкие возможности для новых связей и новой социальной реализации. Но эти процессы не всегда были благом для провинциального населения. При участившихся контактах за представителями патриархального мира и близким к ним слоям оставалась исключительно роль вынужденных реципиентов. Получаемая новая информация, добровольная и принудительная миграции быстро подрывали адаптационные возможности прежде привычной культуры. Все вышеизложенные положения допустимо обобщить в форме следующей таблицы:

Таблица 2. Изменения социально-психологического климата у жителей провинции

Периоды	Отношение к миру	Отношение к общему делу	Отношение друг к другу	Отношение к самому себе
Первая половина XIX в.	Восприятие пространства как дикого края, в котором, за исключением родного города, еще не укоренились христианские начала	Люди со схожими занятиями: торговля и промыслы, – являются наследниками легендарного «сибирского взятия»	Как к носителям христианской культуры, добрым соседям, живущим в едином городском обществе	Я – член конкретного правильно устроенного социума
Вторая половина XIX – начало XX в.	Критичное восприятие официальной религиозности для «всех», обязательной в городе и крае, скрытая и хаотичная оппозиция к «верхам»	Для большинства горожан сфера общего дела сокращается либо уже отсутствует	Как к конкурентам либо как к представителям чуждых социальных слоев	Моё «я» «размыто» множеством ролей в разных социальных группах

К рубежу XIX-XX вв. произошло значительное ухудшение социально-психологического климата, а также деградация местных коллективистских начал. Данный процесс шел неравномерно. В Зауралье основной вектор негативных изменений был направлен от освоенного юго-запада к малолюдному северо-востоку, от железных дорог и городов к сельской местности. Для человека, живущего в быстрорастущем городе, это оборачивалось утратой авторитетов и ценностных ориентиров. На открытии Курганской Александровской женской гимназии в 1903 г. протоиерей Дмитрий Кузнецов отметил: «Кого не занимают религиозные понятия и представления из священной истории, тот учит уроки по закону Божию для показа учителей. В нравственной жизни такого человека случилось большое несчастье: у него или страсти осушили и выгнали корень религиозной жизни или такой человек погряз в заботах житейских или крайняя рассеянность одолела им или, наконец, образовался нерелигиозный взгляд на мир, тот мрачный, к сожалению, ныне модный взгляд, для которого нет ни бога, ни души, ни жизни будущего, а есть только одна земная жизнь с её заботами ради куска хлеба, ради удовольствий» [6, д. 19, л. 3-5].

Данные тенденции во многом развивались подспудно. Первоначально «выброс» негатива оставался уделом взвинченных одиночек. Так, например, по сведениям ссыльного С. П. Швецова, один из богатых торговцев Сургута в старости задумался о своей жизни: «Ему припомнилось все, что он проделывал с инородцами, каждый обман, каждое надувательство. Всякому встречному он каялся в своих прегрешениях, говорил, что торговля загубила его душу, что ему не будет места на том свете и т.д. Ему виделись загубленные им, ограбленные жертвы. Торговлю он бросил, стал молиться Богу и так прожил еще года два, постепенно хирея и угасая; перед смертью сделал такое завещание: он, как великий грешник, недостойн лежать на кладбище вместе с другими, а потому пусть его похоронят в кладбищенских воротах, чтобы каждый проходящий, даже последний остяк попирает его прах ногами» [20, с. 106-107].

Нет сомнения, что, обычно, негатив проявлялся в менее драматичных формах. Тот же автор зафиксировал в 80-е гг. XIX в. разложение наивного патриотизма у местного населения под влиянием пароходного сообщения: «Отношение сургутян к своей родине не одинаково. Те из них, которым удалось побывать в иных более привлекательных местах, например в Тобольске или Тюмени (не говоря уже о Томске, который представляется сургутянам чем-то сказочным по своему богатству и великолепию), – смотрят на Сургут и все сургутское с нескрываемым презрением, пожалуй, даже с враждой; их уже не удовлетворяет все местное, кажется диким, смешным, они и на себя начинают смотреть как на нечто высшее в умственном и нравственном отношении, чем их земляки, не бывавшие дальше Березова. Им душно и тесно в Сургуте, их неудержимо тянет вон из него, туда, где, по их мнению, жизнь кипит» [Там же, с. 44].

Отрицательные проявления скрытых прежде социально-психических процессов оказались исторически закономерными. Неизбежный распад прежних общностей обострялся в России также рядом субъективных моментов, в частности осуждением провинциальной жизни. Восприятие провинциальным сознанием множества непривычных новаций было неоднозначным. При модернизации провинции происходило ухудшение социально-психологического климата, нарастание дискомфорта и углубление кризиса коллективистских начал. Новые коммуникативные практики были признаками грядущих радикальных изменений. В изменившихся условиях провинциалов ожидали будущие катастрофические потрясения. Последствия незавершенных реформ привели к кризису, а затем и уничтожению прежних локальных миров.

Список источников

1. Ахизер А. С. Наука как открытая форма культуры // Вестник высшей школы. 1998. № 1. С. 21-28.
2. Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 114-217.
3. Верхоланцев В. Город Пермь, его прошлое и настоящее: крат. ист.-стат. очерк. Пермь: Тип. губ. земства, 1913. 204 с.
4. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГАТО»). Ф. И-239. Оп. 1.
5. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 72. Оп. 1.
6. ГАКО. Ф. Р-2287. Оп. 1.
7. Государственный архив Шадринска (ГАШ). Ф. 474. Оп. 1.
8. Ершов М. Ф. Социально-психологический климат в городах Северного Зауралья в XIX в. // Тобольск научный – 2016: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск: Принт-Экспресс, 2016. С. 202-205.
9. Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII – начала XX в.: по материалам городов Северного Зауралья. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 124 с.
10. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 704 с.
11. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1.
12. Невоструев Н. А. Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... д.и.н. Пермь, 2006. 447 с.
13. Обзор Тобольской губернии, 1881. Прил. ко всеподданнейшему отчету за 1881. Тобольск, 1881. 141 с.
14. Обзор Тобольской губернии, 1890. Прил. ко всеподданнейшему отчету за 1890 г. Тобольск, 1891. 182 с.
15. Отчет о деятельности Тобольского епархиального Братства св. великомученика Дмитрия Солунского // Тобольские епархиальные ведомости. 1912. 1 января.
16. Парыгин Б. Д. Социальная психология: учеб. пособие. СПб.: ГУП, 2003. 616 с.
17. Попов В. Е. Шадринское уездное училище (1812-1881). Екатеринбург: Тип. П. Н. Алексеева; В. П. Галина и К., 1898. 98 с.
18. Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы для местных сообществ азиатской России). Тюмень: Вектор Бук, 2004. 462 с.

19. Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени: антология. М.: Наука, 1983. С. 6-28.
20. Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 35-111.
21. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2014. 235 с.

URBAN SOCIETIES OF THE TRANS-URAL REGION IN THE SYSTEM OF SOCIOCULTURAL RELATIONS OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Ershov Mikhail Fedorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk
mfershov@mail.ru

The paper focuses on the peculiarities of the sociocultural relations of the provincial community. The author analyzes the provincial life of the Trans-Ural region of the XIX – the beginning of the XX century. In this period the province modernization destroyed patriarchal values and simultaneously used them, which resulted in the replacement of previous actors and the appearance of new mediators and channels of culture distribution: educated society, journalism, collecting. The key component of this process was official education. The author concludes that the province modernization worsened the social and psychological climate, accelerated discomfort and deepened the crisis of collectivistic principles.

Key words and phrases: actor; perception; Trans-Ural region; communication; culture; patriarchal environment; generation; province; social and psychological climate; teacher.

УДК 94:37.03

Дата поступления рукописи: 08.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.6>

Автор анализирует трехлетний опыт работы Исторического клуба Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского по формированию у старшеклассников школ и студентов гражданской позиции и патриотического мировоззрения через изучение истории России и исторических вызовов, на которые нашей стране приходилось отвечать в прошлом и приходится в настоящем. В статье показаны механизмы осуществления образовательной, профориентационной и мировоззренческой функций Исторического клуба, методические приемы вовлечения школьников в осмысление трудных вопросов истории России.

Ключевые слова и фразы: Исторический клуб; вызовы России; образовательная функция; профориентация школьников; мировоззренческая ориентация.

Жеребкин Михаил Васильевич, д. полит. н.
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Ялта
m.zherebkin@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ

Исторический клуб при кафедре истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета работает уже третий учебный год, занятия проходят по субботам два раза в месяц в белом зале Ливадийского дворца-музея. Численность участников клуба колеблется в пределах 60-80 человек. За указанный срок накоплен немалый опыт в организации и проведении занятий, определении тем заседаний, методике их проведения, выработано ясное понимание целей и задач клуба.

Целью настоящей статьи является анализ работы Исторического клуба как формы воспитания патриотического мировоззрения школьников и студентов через изучение истории России и исторических вызовов, на которые нашей стране приходилось отвечать в прошлом и приходится – в настоящем. Актуальность темы определяется небывалым противостоянием России с коллективным Западом и необходимостью в связи с этим усилить работу по формированию у подрастающего поколения чувств гражданина и патриота. Одним из направлений этой многоплановой работы может быть изучение истории и использование ее в воспитательных целях.

Толчком к созданию клуба послужил очень простой факт: студенты, вчерашние старшеклассники ялтинских школ, не знали истории России. Неудовлетворительное состояние знаний молодых крымчан по российской истории в 2015 году было естественным, поскольку полуостров только что вернулся в состав Российской Федерации. В школах и вузах в украинском Крыму изучали историю Украины. Нужна была дополнительная площадка, своего рода неформальный образовательный центр, где вне школьной учебной программы собирались бы те, кто хочет лучше знать и понимать историю. Эти слова и стали девизом клуба.

Знать прошлое нужно не только ради знания прошлого как такового, а еще и для лучшего понимания настоящего, возможности увидеть будущее, что особенно важно для представителей молодого поколения.